

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОТОГРАФОВ СОФИЙСКОЙ ВТОРОЙ И ЛЬВОВСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ

Две летописи, созданные в XVI в., — Львовская и Софийская II — в хронологии 1397—1518 гг. текстуально настолько близки между собой, что это позволило А. А. Шахматову сделать вывод о существовании у них общего протографа, оканчивающегося 1518 г.¹ В последующие годы это мнение не было оспорено и прочно утвердилось в историографии, став отправной точкой для новых исследований, касающихся как степени сходства доступных для визуального изучения памятников, так и состава летописей-протографов.

Софийская II (далее — С2) сохранилась в единственной, искаженной в основном двумя почерками рукописи РГАДА, собр. МГАМИД, № 371/821 (далее — С2А), утратившей свое начало и ряд листов в части, созданной первым из писцов.² Работа между писцами рукописи распределилась следующим образом: I писец писал л. 1—6 об., 8—10 об., 15—36 об., 40—195 об.; II писцу принадлежат тексты на извлеченных листах из другой рукописи, содержавшей Софийскую I летопись младшего извода, и вставленных в рукопись С2А; III писец дописал почти весь оставшийся текст летописи на л. 196—331 об. и 334—440, дважды уступив свои полномочия двум товарищам, написавшим по одному листу — л. 332—332 об. (IV писец) и 333—333 об. (V писец).

¹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных словес Руси северо-восточной». СПб., 1899. С. 21, 42—44.

² Описание рукописи см.: ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. VI—VII. (Обычно считают, что вторым списком С2 текст в рукописи ПИМ, Воскр. (бум.), № 1546 (далее: Воскр.) представляет собой сложную летописную композицию, составленную на основе Софийской I летописи младшего извода (далее — С1мл), С2 и дополнительных источников, издание которой доведено до 1533 г. До 1392 г. текст представляет собой С1мл, за 1392—1423 гг. — соединение С1мл и С2, за 1423—1518 гг. — полностью скопирован с С2А. Нами эта композиция рассматривается как самостоятельное произведение, почему и не относится к числу списков С2 (Кистерев С. И. Классификационные основания и идентификационные принципы в летописной археографии // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 307—308).

Таким образом, основная часть текста в С2А написана двумя писцами — I и III.³

В XVII в. листы С2А были пронумерованы, и нынешний л. 1 имеет по старой кириллической нумерации отметку «26», что позволяет говорить об утрате в начале рукописи 25 листов. Этого пространства было бы достаточно, чтобы уместить текст Львовской летописи (далее — Л) за 1392—1397 гг., т. е. именно в тех пределах, в которых наблюдается частичное совпадение текстов Л и Воскр. Это наблюдение дало возможность Я. С. Лурье прийти к выводу о сходстве текстов С2А и Л на всем протяжении с 1392 по 1518 г.⁴ Тем самым был сделан очередной шаг в изучении С2А и ее общего с Л протографа, доведенного до 1518 г.

С2А, как сказано выше, имеет утраты листов в части, написанной I писцом. Исследователи отметили таковые между 148 и 149 листами, между 157 и 158, 163 и 164, 209 и 210. Еще в XIX столетии все эти места были обозначены надписями на листах самой рукописи. Такие же пометы сделал и Л, отмечая утрату листов между л. 195 и 196, 202 и 203. Позднее Б. М. Ключевым было установлено, что в двух последних случаях разрывы текста отражают утраты листов не в С2А, а в ее протографе.⁵

Наблюдение Б. М. Ключева вызывает тем больший интерес, что обе утраты приходятся на текст включенного в летопись знаменитого произведения Афанасия Никитина «Хождение за три моря», причем они наблюдаются и в составе Л, что отмечено издателями сочинения тверского купца.⁶ Совпадение дефектов текста в двух не связанных напрямую друг с другом рукописях привело к заключению об использовании при их создании одного и того же манускрипта (далее — М1).⁷

На Хождение Афанасия приходится и третий утраченный в С2А фрагмент текста между л. 203 и 204, в котором Б. М. Ключев видит один утраченный в этой рукописи лист.⁸ Однако это неверно. Приступивший с л. 196 к работе III писец написавшие им тетради пронумеровал на нижнем поле открывающих их листов. Кириллическую нумерацию имеют л. 204 («2»), 210 («3»), 226 («5») и далее каждый восьмой лист до л. 434, имеющего отметку «31». На л. 196 буква, обозначающая номер тетради, срезана вместе с нижним краем листа при перешлите рукописи, однако остался знак титла, и это говорит о том, что л. 196 некогда был первым листом первой тетради сдвинутой части рукописи, созданной трудом III писца. Нетрудно заметить, что все тетради содержат по 8 листов и единственным исключением является вторая, обнимающая л. 204—209. В ней только 6 листов, но это обстоятельство не

³ Воспроизведение части рукописи, созданной этими двумя писцами, см.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 42—97.

⁴ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 223—224.

⁵ Ключев Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 117—118.

⁶ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 6, 9.

⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 227—228.

⁸ ИСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. VII.

свидетельствует о потере еще одного или двух, образовывавших вместе с сохранившимися полную 8-листовую тетрадь. Против такого допущения говорит наличие на л. 204 номера тетради «2», указывающего, что с этого листа тетрадь начиналась изначально, парным к нему является л. 209, и, значит, он был всегда последним в этой тетради, что, в свою очередь, отрицает возможность потери листа рукописи С2А между л. 209 и 210. Следовательно, отсутствие части текста Хоженя в С2А объясняется, как и в двух других случаях, утратой листа в общем протографе С2А и Л.

Весьма существенным представляется, что последний пробел в тексте Хоженя Афанасия Никитина, наблюдаемый в С2А, отсутствует в Л. Это указывает на то, что потеря листа произошла после того, как текст был переписан в Л, и III писец С2А пользовался уже оригиналом с дополнительным дефектом. Таким образом, С2А создана позднее, чем был составлен текст Л в интересующей нас части.

Лакуны в составе М1 на пространстве текста Хоженя за три моря практически одинаковы по объему, подсчеты показывают, что пропавшие фрагменты в том виде, как первые два из них читаются в Троицком списке Хоженя, а третий — в Л, насчитывали от 990 до 1010 строчных знаков. Не менее схожи и объемы текстов, заключающихся в двух промежутках между пропавшими из М1 листами: оба они насчитывают около 7300 строчных знаков. Следовательно, соотношение между лакунами и промежуточными текстами выглядит как 1:7.

Поскольку утраты в М1 могли образовываться лишь целым числом листов, то указанные расчеты подчеркивают высказывавшееся ранее мнение о равенстве каждого такого фрагмента одному листу.⁹

Крайне важно попытаться установить, были ли в составе М1 выявленные утраченные листы парными в какой-то из двух возможных комбинаций — первый со вторым или второй с третьим. Определение площади текстового поля¹⁰ одного листа в М1, колеблющееся возле тысячи знаков, при соотношении с промежуточными текстами 1:7 указывает на то, что потерянные листы не образовывали пар. В противном случае пришлось бы предположить, что на промежуточных листах располагалось текста на 20% больше, чем на каждом из утраченных. Такое превышение кажется крайне маловероятным.

Нетрудно заметить, что промежуточные тексты занимают в составе С2А по семь листов. Каждый из этих текстов насчитывает около 7300 строчных знаков, что приводит к выводу о почти полном тождестве текстового поля листа в написанной III писцом части С2А и М1, иными словами — о точном копировании указанным писцом расположения текста своего оригинала. Текст на листах, написанных I писцом, уложен гораздо плотнее, чем у его преемника.

К сожалению, пока нельзя показать место потерянных листов в тетрадях, составлявших М1, как и число листов в каждой такой тетради. Однако некоторые соображения все же высказать можно. Передача

⁹ Лурье Я. С. Ожидрусские летописи XIV—XV вв. С. 227—228.

¹⁰ Под площадью текстового поля понимается количество строчных знаков, расположенных в рукописи на конкретном количестве строк, страниц или листов.

части М1 для переписки текста в руки III писца вряд ли сопровождалась разрывом оригинала на случайном месте, так, чтобы разъединенными оказались парные листы. Скорее, он получил читающийся шнел на л. 196 текст как открывающий первую страницу в отдельной тетради. В таком случае утраченный лист, образующий первую лакуну, был последним в тетради, заключающей часть, переписанную I писцом.

Предшествующие л. 196 в С2А тетради образованы восемью листами каждая (164—171, 172—179, 180—187, 188—195) и никаких утрат не имеют. Вывод же о том, что потерянный лист на месте первой лакуны был последним в тетради протографа, обязывает предпринять попытку поиска парного ему листа, бывшего в той же тетради першам.

В связи с этим обращает на себя внимание статья 6982 г., в которой после описания падения северной стены нового Успенского собора в Московском Кремле, заканчивающегося словами «вся же ся церкви разыбася от тгго паденна, щели велня явишася», следует довольно-таки пространный рассказ о чуде от сохранившихся в том же соборе мощей митрополита Феогноста, после чего следует известие об экпертизе рухнувшего здания прибывшими из Пскова по вызову великого князя мастерами. При этом в последнем тексте нельзя пройти мимо одной страницы: «Посла же князь велики во Псков, — шшет летописец, — и повеле прислати мастеров церковных, и привелша их. Они же дела их похвалиша, что гладко делали да похвалиша де извести...»¹¹ Выражение «посла же князь» как бы предполагает продолжение повествования без какого-либо перерыва и плохо сочетается с наличием предшествующего рассказа о чуде Феогноста, заставляя предположить, что этот рассказ представляет собой вставку в середину сообщения о событиях в столичном Кремле. В то же время указание, что неконичи «дела их похвалиша», без уточнения, о чьих, собственно, делах идет речь, также указывает на искусственный разрыв текста о разрушении Успенского собора и его причинах. Текстовое пространство известия о чуде Феогноста — 1039 строчных знаков — соответствует одному листу в составе М1, что позволяет видеть причину неуклюжей вставки текста, разрывающего повествование о падении стены собора, и смещении потерявшего свою пару листа и вынуждает определить подлинное место читающегося на нем текста.

Такое смещение возможно, если в М1 слова «Посла же князь велики во Псков» открывали лицевую сторону листа, тогда как предшествовавшая им в оригинале фраза «вся же ся церкви разыбася от тгго паденна, щели велня явишася» была последней, читающейся на оборотной стороне предыдущего. Если предположение о смещении листа с текстом о чуде Феогноста верно, то весь последующий, вплоть до первой лакуны в Хожении, текст должен был размещаться на целом числе листов М1.

Подсчет строк показывает, что текст от слов «Посла же князь велики во Псков» до первой лакуны в Хожении Афанасия Никитина образован 6228 строчными знаками, что должно было занимать в М1

¹¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 217—218.

б листов, откуда ясно, что дощадка о смещении листа оказалась верной. Потерянный текст первой лакуны, как вычислено ранее, занимал один лист. Следовательно, если бы тетрадь М1, последним в которой был утраченный лист с текстом Хождения, была 8-листной, то лист с текстом о чуде Феогноста был бы парным к утраченному. Однако это недопустимо, ибо он как раз разрывает последовательность изложения. Предположить, что изначально о чуде Феогноста рассказывалось в статье 6983 г., невозможно, так как чудо могло произойти только до разрушения собора 20 мая 6982 г.,¹² хотя и после похорон митрополита Филиппа, состоявшихся 7 апреля 6981 г.,¹³ к гробу которого обращен персонаж «чуда». Отсюда возникает необходимость искать место для текста о чуде Феогноста ранее сообщения о падении стены Успенского собора. В то же время вряд ли стоит думать, что известие о чуде у гроба Феогноста читалось ранее, чем сообщалось о поставлении преемника Филиппа на митрополичьем престоле Геронтия. Об этом говорит есыбка летописца на неверие великого князя и этого митрополита рассказам о чуде.

Необходимо отметить, что в С2А и Л отсутствует статья 6981 г. и все события, датированные этим годом в других памятниках историкографии XV—XVI вв., читаются в этих двух летописях в составе статьи 6980 г. Поскольку нет сомнений, что использовавшаяся порознь составителями С2А и Л одна и та же рукопись М1 имела целый ряд механических повреждений, выразившихся в утрате отдельных листов, то причину исчезновения годовой статьи в обеих летописях следует видеть в утрате листа, на котором располагался текст, открывающий изложение событий 6981 г.

Следующий после известия о перемещении Геронтия с кафедры коломенского епископа на митрополичий престол и предшествующий пыле в С2А и Л изложению обстоятельств изгнания у гроба Феогноста текст, если из его состава исключить сообщение о поставлении в коломенские епископа Никиты Семеновна, которое в обеих летописях дописано на полях со знакамиставки, насчитывает 979 строчных знаков, что может быть расценено как текстовое поле одного листа в М1. В этом случае открывается возможность предполагать, что в М1 произошла смена мест двух листов, на одном из которых читался рассказ о чуде Феогноста, а на другом — известия об обретении мошеей кляпни Марии и о чуде с ряжским отроком у гроба митрополита Ионы. Какой-то из них должен был составлять пару листу, находившемуся на месте первой лакуны в тексте Хождения за три моря. Очевидно, возможны два варианта, и каждый нуждается в рассмотрении.

Если допустить, что пару к потерянному листу составил лист с рассказом о чуде Феогноста, то окажется, что между ним и потерянным листом располагается текст, содержащий 7207 строчных знаков, что соответствует семи листам М1. Утраченный лист вместе со своей парой и эти семь листов должны были составить тетрадь с четным

¹² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 248. В М1 читалась усвоенная С2 и Л дата — 21 мая (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 217).

¹³ ПСРЛ. Т. 18. С. 246.

числом листов. Следовательно, необходимо допустить, что тетрадь в М1 образовывалась десятью листами и был утрачен еще один лист, поскольку никаких явных следов исчезновения фрагмента текста не обнаруживается, а большая часть читающихся сообщений вообще представляется собой довольно-таки связанные повествования, то такая догадка представляется ошибочной.

Однако остается вторая возможность, при которой парням утраченному листу был лист с сообщениями о мощах княгини Марии и чуде у гроба Ионы. В этом случае между ним и потерянным листом оказывается текстовое пространство, насчитывающее 6228 строчных знаков и соответствующее, как уже отмечалось ранее, 8 листам М1. Тогда приходится заключить, что тетрадь в М1 состояла из 8 листов, что лист с известием о чуде Феодоста был последним листом тетради, а лист с сообщением о княгининых мощах открывал новую и, наконец, что перенесение у гроба митрополита Феодоста следует датировать временем после 29 июля 1473 г., когда митрополитом стал Геронтий,¹⁴ но до 1 сентября того же года.

Полученный результат, определяющий текстовое пространство одного листа М1, позволяет объяснить одну странность, наблюдающуюся в тексте С2, предшествующем Хождению Афанасия Никитина.

Перенесенный 1 листом в составе С2А текст Хождения, начиная со слов «того же году обретох», насчитывает без малого 3000 строчных знаков, что соответствует 3 листам М1. Это позволяет полагать, что в М1 текст Хождения начинался с новой страницы. Перед этим в статье 6983 г. рассказывается о посольстве в Венецию Семена Толбузина, который привез с собой итальянского архитектора Аристотеля, о прибытии Аристотеля в Москву, поездке по Владимир, начале его строительной деятельности в Москве. Неожиданно после сообщения о перенесении мощей митрополита Петра в связи с работами в Успенском соборе в церкви Ивана Лествичника следует череда кратких известий о событиях в Смоленске, Кафе и Крыму, о московском пожаре и поездке Ивана III в Новгород, и лишь затем продолжается рассказ о предпринятых Аристотелем мерах по перестройке Успенского собора.

Рассмотрим тексты внимательнее. Повествование о действиях итальянского зодчего прерывается следующим образом: «Известь же густо матыками повеле мешати и яко на утрне же засохнет, то поже не мочи росколунити. Святого же Петра чудотворца в Иваньи Святы вынесли под колокола, обложи же церковь продолговату пошатным образом». После же сообщений о Смоленске и Кафе, поездке великого князя в Новгород следует: «На первое лето изведе еа из земли Ариетель, известь же как тесто густое растворяше, а мазина дощатками железными, а камень ронной внутри скласти повеле. Столпы же едина 4 обложи круглы, се, рече, кренко стоят, а в оятаре два столпа кирпичны, те на четьыря углы, а все в кружию да въ прапилью». Вряд ли можно

¹⁴ В С2А и Л поставление Геронтия отнесено к 29 июля (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 215; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 300), однако это может быть объяснено ошибкой писца М1, возникшей по палеографическим причинам.

сомневаться, что смоленские, кафинские и погородские события разрывают цельный рассказ о ходе строительства в Московском Кремле. Следовательно, можно считать, что первоначально порядок изложения в летописи был иным, а это означает, что попадание текстов о Смоленске, Кафе и великом князе в середину повествования летописца о действиях Аристотеля нуждается в объяснении.

Такое объяснение возможно предложить, не прибегая к допущениям о случайности включения посторонними лицами нескольких предложений в ткань первичного летописного текста. Фрагмент, представляющий сообщение о пожаре в Смоленске и заканчивающийся извещением о переводе великим князем новгородцев в Переславль, насчитывает 259 строчных знаков, а обособленная им часть рассказа о строительстве — 239, т. е. они почти одинаковы. Это открывает путь для предположения о чисто механической причине смещения текстов, когда оторвавшийся от своей пары лист оказался вставленным на прежнее место в переплетенном виде, в результате чего поменялись местами его страницы и лицевая стала оборотной, а оборотная — лицевой. Соответственно этому поменялись местами и расположенные на них примерно равные по объему тексты.

Это не могло случиться с рукописью М1, ибо предыдущее изложение показало равенство текстового поля ее листа 1000 знаков, т. е. вдвое больше, чем в рассматриваемом теперь случае. Остается думать, что коловращение листа произошло в рукописи, служившей оригиналом для М1, в ее протографе (далее — М2), текстовое поле листа которого, таким образом, определяется как около 500 строчных знаков.

В свое время еще А. Н. Насонов подметил, что М2 возникла в окружении митрополита Геронтия в 1489 г.¹⁵ Позднее Я. С. Лурье несколько раз уточнял датировку, отнеся сначала составление этого памятника к началу 80-х годов XV в., но позднее — к 1483 г.,¹⁶ а затем указав последним известным в его составе сообщением об участии Аристотеля Фнораванги в тверском походе 1485 г.¹⁷ Менялось и мнение Я. С. Лурье о месте составления летописи: если ранее он думал, что она появилась в каком-то монастыре, то затем считал более правильным вовсе отказаться от попытки установления места ее написания.¹⁸ Б. М. Ключевский и В. Д. Назаров утверждают, что летопись была составлена не ранее 1489 г., когда в Москве псковской строительной артелью была завершена постройка церкви Благовещения, что нашло отражение в лето-

¹⁵ *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. VII серия. Л., 1930. № 9. С. 714—721.

¹⁶ *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 237. Совместно с Н. П. Милотенко исследователь подготовил реконструкцию этой летописи (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 7. С. 400—443).

¹⁷ *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, не датированные и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 185.

¹⁸ *Лурье Я. С.* 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 237; 2) Две истории Руси XV века... С. 217.

писи, но и не намного позднее этой даты, и появилась она из-под пера клирика московского Успенского собора.¹⁹

Теперь сложно да и не время решать вопрос об авторе М2, но, думаю, именно его рукой был написан перевернувшийся лист, несший на своих страницах чуть перивно подделанные 498 знаков. В этом случае рукопись была форматом в 8°, что характерно для четырех сборников, предназначенных для личного потребления, но вряд ли свойственно рукописям, создававшимся для использования в публичных библиотеках, пусть даже с весьма ограниченным кругом читателей. В таком случае гипотеза Б. М. Ключева и В. Д. Назарова о частном происхождении памятного представляется более близкой к истине, нежели предположение об этой летописи как официальной митрополичьей или корпоративно-монастырской.

Подводя итоги сказанному, повторим, что общими протограф С2 и Л — М1 или свод 1518 г., по определению А. А. Шахматова, имел текстовое поле листа около 1000 строчных знаков, принципиально совпадая в этом с С2А, что одним из его (М1) источников была частная летопись, содержащаяся в рукописи с текстовым полем одного листа около 500 знаков, форматом в 8°, претерпевшая к моменту использования ее в М1 некоторые механические повреждения.

В дальнейшем полученные данные о величине текстовых полей обоих памятников — М1 и М2 — должны и могут оказать существенную помощь в реконструкции их содержания и объяснении некоторых особенностей текстов С2А и Л.

SUMMARY

The article is devoted to the problems of the reconstruction of the proto-graphers of the Sophiysky II and L'vovsky chronicles. The problem is one of the important in the field of the Old Russian chronicles research.

¹⁹ Ключев Б. М., Назаров В. Д. 1) Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство: XIV—XV вв. М., 1964. С. 310; 2) Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов. XV—начало XVII вв. М., 1998. С. 534.